

*Моей бабушке — Анне Васильевне Галактионовой,
научившей меня отличать количество прочитанных
книг от числа понятых*

Чужая душа — потемки, ну а кошаच्या — тем более.

А. П. Чехов

ПРОЛОГ

«Меня зовут Сафира из дома Пурпурного Лотоса, и я — эльфийка. Да-да, именно такая, какими нас обычно изображают на страницах душещипательных любовных романов: высокая, стройная девушка с длинными серебристыми локонами и лазурно-голубыми очами. Прелестное, утонченное создание, при встрече с которым каждый мужчина, будь то хоть дворянин, хоть неотесанный простолюдин, немедленно обнаруживает в себе задатки благородного рыцаря и бросается меня спасать — огребая тем самым кучу проблем и неприятностей на свою глупую голову. Почему? Да потому, что хоть и выгляжу я беззащитной и наивной, и являюсь стопроцентной светлой эльфийкой, но на самом деле считаюсь довольно опытным наемным убийцей у нас в Листограде и отличаюсь весьма темными наклонностями. А плюс ко всему обладаю склочным характером, славлюсь жуткой вспыльчивостью и задиристостью, отлично владею магией, никому не даю спуска и очень уважаю хорошую драку. Поэтому и называют меня чаще всего не по имени, а широко известным в столице прозвищем — Зараза...»

Я отложила в сторону основательно обкусанное гусиное перо, оценивающе посмотрела на усеянный кляксами лист бумаги и удрученно покачала головой. Вот что получается, когда берешься за совершенно несвойственное тебе занятие... Никогда не замечала за собой ни малейшего проблеска литературного таланта, и вот результат — вместо обещанных мемуаров я имею в активе испорченный лист дорогой веленовой бумаги, никуда не годное перо — словно побывавшее в пасти у голодного волка, и испачканные в чернилах манжеты любви-

мой белой рубашки. Ну, предположим, рубашку я себе новую куплю, перо выброшу, но как же быть с описанием наших приключений? Я задумчиво откинулась на спинку кресла и обвела растерянным взглядом стены мужниного кабинета, отмечая как ровные ряды книг на полках (супруг у меня педант и чистюля), так и принесенные из другого мира музыкальные диски. Интересно, на чем он их слушает? Теряясь в догадках, я требовательно дернула за хвост лежащего на столе Маврикия, надеясь получить исчерпывающий ответ, но кот лишь лениво приоткрыл один глаз, отмахнулся лапой и продолжал молчать, словно воды в пасть набрал. У-у-у, он же специально меня игнорирует, гад полосатый! Из мужской солидарности с мужем. Поняв, что помощи ждать неоткуда, а данное обещание все равно придется выполнять, я уныло поскребла в затылке и снова взялась за перо...

Засесть за писанину меня вынудило руководство нашей академии, в коей я в настоящее время и подвизаюсь в качестве преподавателя боевой магии. О, конечно же не постоянно, а только в то время, когда не занимаюсь каким-нибудь частным заказом. Уважаемые магистры ругались, периодически урезали мне жалованье, но все же мирились с моими выкрутасами и частым отсутствием на лекциях. Видимо, понимали, что теория теорией, а по части практики я запросто переплону любого академического зануду и, следовательно, могу показать много чего интересного. Да и студенты, как ни пугай их байками о моей хронической и якобы неисправимой кровожадности, ходили за мной табуном — здорово подрывая авторитет всех прочих магов. Устав от неправдоподобности приписываемых мне подвигов, руководство вызвало меня на ковер и ультимативным тоном потребовало написать подробные мемуары о наших с мужем приключений, пообещав утвердить их в качестве официального учебного пособия. Вот и пришлось мне засесть в кабинете да заняться бездарной порчей писчих принадлежностей. А самое печальное заключается в том, что я даже не знаю — с чего их следует начать, эти самые треклятые мемуары. Наверное, со знакомства с Кириллом? Или нет — лучше со знакомства с Маврикием?..

Я выбросила второй загубленный лист и мученически застонала, обиженно глядя на безмятежно дрыхнущего кота. Ему-то что, заварил всю эту кашу и спит себе спокойненько,

в ус не дует. А я тут напрягайся, паши за всех... Я мстительно надавила на перо так, что оно протестующе скрипнуло, и мобилизовала все свои скудные умственные способности — пытаюсь воскресить в памяти уже изрядно подзабывшиеся детали. Ничего не получается! Может, стоит позвать на помощь мужа?

Следует признать: мой супруг Кирилл уродился на редкость ответственным и рассудительным, полной противоположностью мне, даром что происходит он из другого измерения, а до того, как попасть в Листоград, служил в убойном отделе полиции, в мире под названием Земля. Кстати, в нашем Мидирском королевстве моему любимому много каких противоречивых подвигов приписывают, да вот только сплетничают об оных всегда шепотом, тайком — чтобы никто посторонний не услышал. А то мало ли чего случиться может... Правда, говоря начистоту, к моему дорогому Кириллу все это не имеет ни малейшего отношения. Он пускай и не эльф, и пуще того — иноземец, но душой и сердцем — истинные свет и чистота, как ни контрастно выглядит такой характер на фоне его смуглой кожи, карих глаз и иссиня-черных волос. Однако зачем же скромничать, если молва о моем муже идет хорошая, ведь недаром он носит теперь звание «Хранитель спокойствия» и командует королевской гвардией. А познакомились мы с ним пять лет назад, при самых загадочных обстоятельствах...

Я решительно макнула перо в чернильницу и улыбнулась, мысленно погружаясь в события давно минувших дней. Слава Великой богине Дану, кажется, вспомнила: мое скандальное путешествие в земной мир было вызвано оглашением завещания магистра Сабиниуса, умудрившегося запутать весь Высший Магический совет. И вот смех, не обошлось там без прекрасного воина-дроу Анриэна Белого, и без большой и чистой любви с иноземцем Кириллом, и без промашки трех невезучих троллей с забавными кличками: Спинолом, Вырвиглаз и Надериухо. Ой нет, кажется, я ошибаюсь — завязкой всему послужила пропажа огромного рубина и вот этого серого кота, старательно прикидывающегося сейчас безобидным пайнкой. А дальше все пошло по нарастающей: маги в панике метались по городу, гвардия трусливо отсиживалась в казарме, король разводил руками, королева падала в

обморок... Короче, такая знатная каша заварилась, что по сравнению с той историей любые сказки выглядят просто примитивной ерундой.

Я озаренно прищелкнула пальцами и, высунув от усердия кончик языка, четко вывела на листе название своих будущих мемуаров: «Суета вокруг кота». Вот, самый подходящий для них заголовок.

А начиналось все так...

Часть первая СПЛОШНАЯ «КОТОВАСИЯ»

ГЛАВА 1

Я деликатно толкнула кривую дощатую дверь и, стараясь не бряцать оружием, почти на цыпочках прокралась в кабачок, носящий непритязательное название «Дранный петух». Снаружи зарядил проливной дождь и громыхла нешуточная гроза, зато внутри жарко польхал очаг и горела люстра на десяток свечей. Время близилось к вечеру, но народу в кабаке пока собралось не много. Возможно, по причине сегодняшнего затяжного ненастья, а возможно, и по какой иной. Не зря, поди, на рассвете заполошно зазвонили колокола, а прохожие на улицах начали перешептываться — быть беде. Никак наш король войну соседям объявил, или королева слегла с очередной мигренью. Да и вообще, мало ли чего плохого случиться могло... А я точно не знаю, врать не стану, ибо до главной площади не доходила и к досужим сплетням не прислушивалась. Не до них мне сейчас, со своими бы проблемами разобраться.

С утра я пребывала в самом паршивейшем настроении. А чему прикажете радоваться? Денег — нет, со съемной квартиры пришлось съехать, заказов — не предвидится, и, следовательно, перспектив у меня — никаких. Ну разве это жизнь? Я пошарила в карманах кожаных, порядком затертых штанов и в одном обнаружила дыру, а во втором — два медных гроша, которых даже на кружку пива не хватит. Тоскливо вздохнула и уселась за дальний столик, мучаясь от голода и жажды. Сама я на мели, но вдруг подвалит кто-нибудь знакомый и угостит меня обедом? Хотя в таких случаях обычно говорят: раскатала губу на чужую удачу. Да, а на что еще раскатывать, если своей нет?

Ароматные запахи, долетающие с кухни, нещадно дразнили обоняние, вызывая мучительные спазмы в пустом желудке. Когда же я ела в последний раз? Вчера... нет, позавчера вече-

ром!.. «Дранный петух» даром что расположен в самом златном районе Листограда и собирается в нем всякая шваль, зато кормят здесь отменно. А уж пиво и вообще такое варят, коего даже в королевском дворце не сыщешь. Я, кстати, знаю, о чем говорю: бывали, пробовали... Я сняла португею, положила на стол ножны с рапирой и мысленно посоветовала своему желудку заткнуться и не урчать. А то еще, не ровен час, услышит его стенания Толстый Йозеф — хозяин кабачка и выгонит меня на улицу. Ну не самолично, конечно, а с помощью своих вышибал, ведь я и так уже пять золотых ему задолжала... И долг вернуть не могу, ибо не с чего.

Отогревшуюся меня с недосыпа и голодухи сильно тянуло в сон. Народу в «Драном петухе» пока не прибавилось, лишь возле стойки торопливо хлебали суп двое городских стражников, готовящихся заступить на ночное дежурство, да в центре зала горланила песню компания основательно подвыпивших торговцев. Судя по их заставленному посудой столу — гуляли они давно и основательно, похоже, обмывали какую-то удачную сделку. Чуть в стороне, в тени, устроился какой-то долговязый, одетый во все черное субъект, старающийся не привлекать к себе излишнего внимания. Хотя в конспирации он явно не разбирался, потому как заказал отнюдь не бедняцкую похлебку, а дорогущую свинину в тесте, да и стоящая перед ним бутылка с вином дешевой не выглядела. Я безразлично отвернулась, сглотнув скопившуюся во рту слюну. Ведь не зря же принято считать у нас в Листограде: «На чужой каравай рот не разевай. Подавишься...» И коли хочется ему остаться неузнанным, значит, есть на то причина. Его дело. А каждому встречному-поперечному лицо показывать и правда ни к чему. Мало ли кто сюда заходит. Например, такие неудачники, как я.

Мысленно проанализировав события последних месяцев, я поняла — сама во всем виновата, и пригорюнилась. Родителей не послушалась, из дому убежала, и вот результат: катаюсь по жизни неприкаянной, словно Колобок по лесу, а каждый злой хищник меня теперь сожрать норовит. Не в прямом, конечно, смысле, но все-таки... Сказку про Колобка я неоднократно слышала от своего учителя — магистра Сабиниуса и каждый раз удивлялась: ну что героического может быть в пережаренном куске теста, который шляется по лесу и хамски издевается над животными? Нет, неправильная это сказка, не

наша какая-то. А впрочем, у мэтра Сабиниуса все так — странно, непонятно, нелогично. Да и сам он... я выразительно pokrутила пальцем у виска, будучи не в силах подобрать точное определение его выходкам. Одним словом — некромант, чего с него взять.

— Эй, Зараза, — вдруг зычно прилетело от стойки, — ты чего там в углу затихарилась и фиги нам крутишь? А ну-ка подь сюды!

Я обреченно вздохнула — ну вот, нарвалась!

— Подь, подь, говорю! — не отставал Толстый Йозеф, красноречиво сгибая похожий на сардельку палец. — Погута-рим с тобой о должке давнем, о делах твоих скорбных, о новых заказах... — При этих словах парочка дремлющих возле двери мордovorотов моментально проснулась и напряглась, словно охотничьи собаки. — О тебе ведь, дорогая наша, такая лихая слава по городу идет, что впору на охрану амбаров наниматься, мышей от жита отгонять!

Вышибалы одобрительно заржали в голос.

— Не идет, а бежит на пять шагов впереди, — поддакнул первый.

— Летит, аки журавель быстрокрылый! — метко уточнил второй. — Давеча слышал на рынке, как наша знаменитая Зараза вместо того, чтобы переломать кости любовнику женушки заказчика, сама ему помогала сбежать от праведного гнева мужа-рогоносца. А заказчику напялила на голову панталоны неверной женушки и фингал под глазом поставила. И посему осталась наша фифа ни с чем — без заказчика и без гонорара...

Обмывающие удачную сделку торговцы встретили эту на сто процентов правдивую историю громким хохотом.

Я сердито нахмурилась. А какого ляда прикажете делать, если по ходу дела выяснилось, что мой заказчик, шестидесятилетний сквалыга и меняля, купил свою шестнадцатилетнюю супругу за долги ее отца, принудив девчонку к браку. Зато возлюбленный оной несчастной девицы, такой же, как и она, бедняк — бравый красавец из пригорода, днем позже успешно выкрал свою милую из дома противного старика. Не без моего посильного участия, кстати! Это я на свои последние деньги подкупила городскую стражу, обеспечив влюбленным безопасный выход за ворота Листограда минувшей ночью. И теперь могу сколько угодно гордиться совершенным благодея-

нием, щеголяя пустыми карманами и еще более пустым желудком. Хороша наемная убийца — ничего не скажешь! Идеалистка и бессребреница...

Осознав эту прискорбную истину, я вздохнула столь громко и печально, что, не выдержав, заржал уже сам Йозеф, а долговязый тип заинтересованно отложил вилку и повернул ко мне лицо, полностью скрытое широкими мягкими полями черной шляпы.

— Чего примолкла, Зараза? — между тем издевательски гоготал Йозеф. — Если сказать в свое оправдание ничего и долг отдавать нечем, то вали из моего кабака. Пошла прочь, нищая дура...

Я скрипнула зубами от негодования, непроизвольно хватаясь за рапиру. Можно снести все что угодно, но только не надуманные обвинения. В смысле про дуру, а не про нищую.

— Здесь милостыню не подают! — не умолкал вредный кабатчик. — Тебя сюда никто не приглашал, а поэтому...

— Ошибаетесь, уважаемый! — внезапно прервал Йозефа тот самый таинственный господин, лакобившийся дорогой свининой и до сего момента молчавший. — Это я пригласил леди Заразу на ужин и готов заплатить за нее с лихвой. Полагаю, этого будет достаточно? — Из недр его плаща появился увесистый кошель, с многозначительным звоном улегшийся на стол.

У меня ошеломленно отвисла нижняя челюсть.

Подскочивший к столу вышибала сгреб кошель, взвесил его на ладони и уважительно присвистнул.

— Босс, тут весь ее долг, да еще и с процентами! — изумленно констатировал он.

— Ну вот, совсем другой расклад! — расплылся в довольной ухмылке кабатчик. — Милости просим, госпожа Зараза. Эй, мальчик, подай госпоже пива за счет заведения!..

Передо мной тут же водрузили здоровенную кружку, увенчанную пышной шапкой пены.

Я пыталась вернуть челюсть на место, но она никак не желала меня слушаться, грозя застыть в таком положении навечно. В «Драном петухе» определенно творилось нечто несусветное! Какой-то идиот заплатил мой долг, а саму меня угощают халявной выпивкой! Да обалдеть же можно, завянь мои фамильные лотосы!

— Вы, если не ошибаюсь, и есть та самая леди Зараза, ой, извините — леди Сафира, о коей так много судачат у нас в столице? — галантно поклонившись, спросил у меня долговязый.

Не найдя нужных слов, я исчерпывающе кивнула в ответ.

— Прошу вас отужинать со мной! — снова загнул куртуазным крючком странный тип. — Нам нужно поговорить. Присаживайтесь за мой стол.

Я молча поднялась с места, не забыв прихватить кружку с дармовым пивом, и деревянно, на негнущихся от удивления ногах зашагала через весь кабак под обстрелом насмешливых взглядов. У меня все кишки в узел скручивались от желания выколоть своим обидчикам глаза, негодования и острого любопытства. Но, скрывая обуревающие меня эмоции, я покорно шла к столу долговязого типа — при этом мысленно кляня его на все корки. Точно, я — дура, ибо не знаю, благодарить мне его придется или проклинать, и ведь все равно иду. Нет, а что мне еще делать остается?

Добравшись до пункта назначения, я уселась напротив загадочного субъекта, сдула пену с пива и сделала пару жадных глотков, освежая пересохшее горло, ибо эти несколько шагов показались мне очень длинными. Недремлющее магическое чутье безошибочно подсказывало: я шла навстречу своей судьбе, вернее, к ее переломному моменту, способному начисто перечеркнуть мое неудачное прошлое и значительно подкорректировать не очень-то радужное будущее. И я не ошиблась.

— Рад знакомству, мое имя — Леон, — вежливо представился странный тип, снимая шляпу и являя мне усталое, худощавое лицо мужчины средних лет. А затем он откинул за плечи полы черного плаща, демонстрируя камзол придворного, и добавил: — Меня прислала ваша старшая сестра Зейнара. Ее величество королева, покровительница Листограда!

Теперь настало самое подходящее время для того, чтобы рассказать, что же представляет собой наш Листоград. Многие сотни лет назад этот великий, стоящий на семи холмах город носил совсем другое имя и принадлежал людям, или, как мы чаще их небрежно называем, гойделам (горцам). Так же как и все сопредельные земли окружающего его королевства. А затем в оных местах появились эльфы... Вернее, волшебными существами — эльфами нас нарекли суеверные люди, но

сами мы именуем себя Таута-де-Дананн, племенами и сынами богини Дану, а чаще — просто таутами. Никто в этом мире не знал, зачем и откуда мы пришли. Возможно, память о тех ветхозаветных временах и сохранилась в летописях нашего магического ордена, но доступна она отнюдь не каждому, а только самым мудрым магистрам. Таким, например, как досточтимый мэтр Сабиниус. Таутов сопровождали их верные слуги — тролли. Народ остроухих возглавлял король Мидир, по прозвищу Дубовый Лист, прекрасный юноша с лазоревыми очами и золотыми волосами. По воле нашей покровительницы богини Дану испокон веков народ таутов разделен на две родственные расы. Первая — это светлые эльфы, или сиды, все как на подбор белокожие и белокурые. Вторая — полночные воины, или дроу, смуглые и черноволосые. Два правящих дома — Пурпурного Лотоса и Ночных Ястребов — объединены неразрывными семейными узами, поэтому если король происходит из одного клана, то королева обязательно выбирается из другого. И она традиция нерушима.

Эльфы не только превосходили людей в воинском искусстве, они также принесли с собой то, чем население здешних мест не обладало ни до, ни после вторжения остроухих. Они принесли с собой магию. Наши четыре главных магических артефакта и по сей день хранятся в королевской сокровищнице. Я видела их собственными глазами. Да-да, все четыре: копье короля Луга — не знающее промаха, всегда приносящее победу своему обладателю, котел Дагды — сосуд изобилия, меч Нуаду — чей удар невозможно отразить, и камень Фаль — способный подтвердить истинное королевское право на трон. Жаль только, что после гибели короля Мидира все артефакты уснули вечным сном, и, как бы ни бились наши маги, они все еще не могут пробудить их былую мощь и вернуть к жизни.

Итак, эльфы пришли из ниоткуда и захотели владеть здешними землями, которые они назвали страной Сид. Люди сопротивлялись захватчикам, но силы оказались неравными. Сыновья богини Дану быстро победили в короткой и кровопролитной войне. Правда, главная битва унесла жизнь их славного короля Мидира, поэтому свою новую столицу они назвали в его честь — Листоградом. Вновь отстроенный город стал центром Мидирского королевства, вобравшего в себя и пять десятков городков поменьше — Берос, Фаллад, Гдерск,

Озерск, Намейк и прочие. Темные годы миновали, в процветающем и управляемом эльфами королевстве мирно проживают сами остроухие, люди и тролли, а все прежние раздоры были забыты. И в самом Листограде давно уже не происходило ничего необычного... Ага, до тех самых пор, пока наш нынешний король — Дюран из дома Ночных Ястребов — не надумал жениться.

— И чего же хочет от меня ее величество королева? — криво усмехнулась я, поставив обратно на стол едва пригубленную кружку. — Помнится, если, конечно, мне не изменяет память, в последний раз я виделась со своей сестрицей три года назад, причем расстались мы не очень хорошо...

— Не очень! — подтвердил Леон, сопроводив свои слова печальным кивком. — Извините, если сую нос куда не следует, но ее величество посвятила меня в подробности вашей семейной драмы.

— Так какого же тогда лотоса я теперь ей понадобилась? — не удержавшись, сердито ругнулась я. — А король... Он знает о нашей встрече?

— Нет, — недовольно поморщился Леон, — ибо моя миссия сугубо секретна. Я являюсь старшим камергером королевы и прибыл сюда по ее личному распоряжению.

— Понятно, — хмыкнула я, прихлебывая из кружки и бесцеремонно закусывая с тарелки долговязого камергера. — Моя сестрица ударилась в политику. Занятно. А я-то считала, будто она только и умеет, что истерики закатывать и в обморок падать. Похоже, три истекших года здорово ее изменили.

— Похоже... — задумчиво согласился Леон, наблюдая за мной, но тут же встрепенулся и спохватился: — Ой, извините, ведь я же обещал угостить вас обедом. Хозяин!.. — зычно закричал он, и вскоре вокруг нашего стола шустро забежали подавальщики, поднося всевозможные блюда и напитки.

Господин Леон не поспешил на угощение. Спустя полчаса я сыто отвалилась от тарелок, блаженно вздохнула, деликатно поковырялась в зубах извлеченной из вазочки зубочисткой и чуть осоловело поинтересовалась:

— Я так понимаю, королева прислала вас отнюдь не для того, чтобы малость подкормить свою отощавшую в трущобах сестрицу? Не так ли, мнимый господин камергер?

— Конечно, не для этого, — возмутился королевский посланец. — Кстати, что за ироничный тон вы себе позволяете? Да за кого вы вообще меня принимаете?

— Сударь, — насмешливо начала я, наметанным в таких делах взглядом окидывая его высокую, подтянутую, безупречно элегантную фигуру, — на ночь глядя вы притащились в самый злачный кабак, дабы встретиться с девушкой сомнительной репутации. Вы приехали на извозчике, ибо не приучены ходить пешком, а в собственном экипаже побоялись быть узнанным. Вы оделись в скромный, но все-таки слишком дорогой для этого места наряд. И потом — эта серебряная булавка в жабо, эта золотая пряжка на поясе... Не говоря уж о перчатках из кожи белой змеи, которые стоят целое состояние. Вы приехали просить, но делать этого не умеете. Так за кого же я должна вас принимать?

— А... э... — Леон захлопал глазами и растерянно провел рукой по коротко стриженным, густо намазанным ароматическим воском волосам — единственной сибаритской детали своей внешности, о которой умолчала проницательная я. — Кажется, вы меня раскусили, я не камергер. Я...

— Бесценный мой господин, — слово «бесценный» я нарочно выговорила с особым чувством, явно получая удовольствие от того, что мне представилась возможность поставить на место столь важного и уверенного в себе типа, — да будьте вы кем угодно. Для меня оный факт не имеет ни малейшего значения. Мне наплевать на поручения сестрицы и неинтересна ваша просьба, она и так уже понятна. Очевидно, королева вляпалась в какие-то крупные неприятности и рассчитывает на мою помощь... Так вот, я отказываюсь ей помогать, поскольку ее проблемы меня не волнуют. — Я махнула рукой в направлении двери и нагло напутствовала: — А вам — до свидания. В добрый путь. Спасибо за обед.

Господин Леон аж побледнел от возмущения.

— Никуда я не пойду! У меня деловое предложение, и вы его выслушаете! — Он решительно отчеканил каждую букву и ультимативно стукнул по столу крепко сжатым кулаком.

Я удивленно вскинула брови. Ничего себе заявочка!

Тем временем господин Леон привстал с места, потянулся к сумке, висящей на гвозде у него за спиной, достал из нее увесистый, чем-то туго набитый мешочек и со всего маху нервно

опустился обратно на скамью. Увы, похоже, его день не задался с самого начала и, хотя солнце уже отправилось на ночной отдых, удача сего почтенного мужчины по-прежнему крепко спала — наверное, именно поэтому мой пышущий гневом собеседник случайно водрузился на самый край скамьи!

К несчастью, оная мебель испытывала к господину Леону явную антипатию, ничуть не уступающую моей. Лжекамергер понял, что конфуз неминуем, когда перед его глазами медленно и смешно взлетели вверх ноги в пышных панталонах и добротных охотничьих сапогах. Ноги, без сомнения, были его собственные...

Удивительное дело, как замедляет свой ход время, когда падаешь с перевернувшейся скамьи. В частности, можно подробно разглядеть запылившуюся обувь и бесстыдно разъехавшуюся строчку на ширинке панталон, а заодно поразмыслить о том, что неплохо было бы не падать вовсе. О да, именно эта счастливая мысль, а также последняя попытка удержать равновесие и сохранить достоинство подвигли мужчину ухватиться за край стола, однако...

...Однако вместо стола его пальцы едва успели стиснуть край скатерти. В следующий же миг все, что стояло поверх оной, полетело прямо на дорогой наряд незадачливого господина. Первым опрокинулся кувшин с холодным пивом. Ядреный напиток хлынул в лицо и в открывшийся для крика рот... Леон хрюкнул, захлебываясь, получил по голове деревянной кружкой, охнул и принял следующий снаряд — глиняную солонку, размером чуть ли не с корыто. Но и на этом злоключения не закончились — ведь дезориентированный и временно ослепший от пива мужчина все еще продолжал тянуть на себя мокрую скатерть...

Уже из-под стола Леон увидел, как я метнулась со своего места на помощь. Не скрою, я поняла, что не успею подхватить терпящего бедствие собеседника, и посему приняла истинно женское решение — изо всех сил потянула на себя противоположный угол скатерти...

Справедливости ради стоит заметить, что в иной ситуации этот маневр теоретически, возможно, и удался бы. Все-таки окажись на месте господина Леона кто-то более сообразительный и не столь габаритный, мне, возможно, удалось бы рывком поставить его на ноги. Но пресловутый тип сегодня явно

не числился в любимцах удачи и поэтому в самый неподходящий момент решил смириться с неизбежностью позора и выпустил скатерть из рук. Это привело к следующему: я взмахнула отвоеванной скатертью, словно сраженный воин шелковым стягом, и вверх тормашками полетела на мокрый пол с противоположной стороны стола. Дружный грохот, издаваемый нашими переходящими в горизонтальное положение телами, нарушил благообразную тишину заведения.

Господин Леон упал навзничь. Локти и затылок прострелило беспощадной болью. Маясь осознанием всей позорности постигшей его ситуации, он лежал, смотрел в закопченные потолочные балки и проникался ужасом своего унижения — мокрый, липкий, щедро сдобренный солью, беспомощный, словно мышонок в луже. Запятнал свою честь, не говоря уж о чести ее величества королевы! Куда уж хуже-то? Поняв, что ситуация безнадежна, он решил не вставать, а тихонько умереть от стыда прямо здесь — в луже пива на дощатом полу. Но умирать было нельзя, ведь оставалась ответственность за другого человека, ну да, за того, который, вернее, которая приземлилась с противоположной стороны стола. Приземлилась и с тех пор не издала ни звука...

— Эй, леди, вы там как? Живы? — Леон вытер лицо полой собственной рубашки.

Тишина. Только звонко капает со стола пиво. Прочие посетители кабака ошеломленно молчат, уstraшенные произошедшим.

— Ау, леди Зараза... — Мужчина встал на четвереньки и двинулся под стол, миновал безвольно раскинутые ноги в ботфортах и наконец дотянулся до девичьей руки. — Эй...

— М-да-а-а, господин Леон, — немного подождав, дабы вдоволь помучить своего собеседника, язвительно изрекла я, — опасный вы, оказывается, человек! Вам, как я погляжу, лучше не отказывать.

— Так вы живы?! — возмутился долговязый. — Чего же молчите-то?!

Я хмыкнула:

— Вспомнила вашу трогательную прореху на панталонах и застеснялась...

Багровая краска смущения залила щеки моего незадачливого собеседника.

— Еще хоть слово... — Его кулаки непроизвольно сжались, намекая на ожидающую меня взбучку.

Однако в этот миг Леон словно увидел себя со стороны — вот сидит он, приличный господин, в сыром, хорошо просоленном платье, перед в сущности ни в чем не повинной девушкой и эту же девушку запугивает. И Леону стало стыдно.

— Эй, хозяин, — скомандовал он, выбираясь из-под стола и успешно возвращая себе прежний невозмутимый вид, — живо комнату на втором этаже, кувшины с теплой водой и полотенца... — Он лукаво покосился на насквозь мокрую меня. — Нет, два комплекта полотенец и новую одежду для этой леди. Хорошую одежду. За мой счет!

Я благосклонно кивнула и задумчиво прищурилась. А этот господин Леон далеко не так прост, как показалось мне вначале, быстро во всем ориентируется и умеет мыслить логично. Выходит, неспроста его все-таки ко мне подослали. Ой, нутром чую, скорее всего моя сестрица-королева вляпалась отнюдь не в большие, а в о-о-очень большие неприятности...

После того как я помылась, мне принесли новую одежду, купленную по заказу господина Леона. Одеваясь, я мысленно поставила сему странному типу еще один плюстик. Ибо новый костюм не только пришелся мне впору и сидел как влитой, но и полностью соответствовал моему вкусу и личным предпочтениям. Я с удовольствием рассматривала себя в большом зеркале: узкие черные кожаные штаны, белая рубашка тонкого полотна, удлиненный, сильно приталенный жилет из коричневой замши, широкополая шляпа с плюмажем и черный плащ чуть короче колена. Ботфорты и португеза с рапирой и кинжалами — мои собственные. Все в целом смотрелось великолепно. Признаюсь, так хорошо я не выглядела с тех самых пор, как...

— Превосходно! — Господин Леон отодвинул разделяющую нас ширму, ведь мы находились в одной комнате, и галантно поклонился. — Примите мое восхищение, леди! Вы — само очарование! Даже не хочется верить в те мерзкие сплетни, которые ходят о вас в столице.

— И какие же? — подначивающе усмехнулась я.

— Невзирая на обманчиво безобидную внешность — у вас дурная репутация, поговаривают, будто вы бесчестный и хитрый человек. Вас называют беспощадной убийцей, черной ведьмой, коварной колдуньей, и... — Леон брезгливо поморщился. — Пожалуй, даже этого вполне достаточно... Хотя нет. Скажите, пожалуйста, история про удавов — это и в самом деле правда? — В глазах моего собеседника читался неподдельный интерес.

Правда? Я не удержалась от смешка. Ну да, чистейшая.

Примерно с полгода назад мы отмечали день рождения моей закадычной подруги Еськи и изрядно злоупотребили самогоном в кабачке «Белая лилия». Пьянка закончилась поздно, а до дома было далеко. Загрустившая от осознания того, что сегодня ей стукнуло аж целых девятнадцать лет, Есения, которую мы все называли просто Еськой, вела себя тихо и скромно. В отличие от совершенно распоясавшейся меня, громко требовавшей продолжения банкета. Здравомысленно оценив наши слабые способности к самостоятельному передвижению, я махнула рукой, останавливая попутный экипаж...

— Куда вам? — вежливо осведомился возница, удовольствовавшийся парой серебряных монет, выданных ему виновницей торжества.

— С ума сошел? — бурно возмутилась в зюзю пьяная я. — К удавам мы не хотим!

— Куда вам надо? — терпеливо уточнил возница.

— Ну если надо, значит, надо, — печально согласилась я. — К удавам... — И, пошатываясь, полезла в экипаж, где уже сидела Еська и, вцепившись в выцветшую обивку сиденья, тряслась в припадке неудержимого хохота.

Кстати, именно благодаря ее болтливому язычку она забавная история и получила широкую огласку, добавив еще один жирный минус к моей и без того незавидной репутации.

— Так вы, наверное, потому ко мне и пришли? — откровенно, прямо в лицо господину Леону рассмеялась я. — Решили самолично проверить, что из этих рассказней является правдой? А если все целиком и полностью? — И я кровожадно щелкнула зубами, откровенно наслаждаясь нелепостью всего вышеперечисленного бреда, услышанного мгновение назад.

Мужчина вздрогнул и рефлекторно отшатнулся. Впрочем, нужно воздать ему должное, он тут же овладел собой и расплылся в наигранно слащавой улыбке.

— Bravo, у вас отличные сценические способности, — пошутил он. — Я чуть вам не поверил!

— Не бойтесь, вам ничто не угрожает, — рассмеялась я. — Человеческое жертвоприношение я нынешним полнолунием уже совершила.

— Ну конечно. И крови невинных младенцев тоже, наверное, испили, — с самым серьезным выражением лица поддакнул господин Леон.

Я иронично фыркнула. Болтун.

— Я не боюсь, — вдруг чистосердечно признался лжекамергер, — но что, если вы все же задумаете какую-нибудь гадость?

— Даже не надейтесь, — столь же искренне улыбнулась я, — моя сестрица не стоит таких усилий. Ради нее я и на гадость не расщедрюсь, жирно будет...

— А ради чего или кого расщедритесь? — испытующе прищурился мой загадочный собеседник.

— Ради принца на белом коне, — саркастично начала перечислять я, загибая пальцы, — ради благополучия Листограда и мира во всем мире...

— Уф-ф-ф! — перебил меня господин Леон, облегченно переводя дух. — Значит, мне повезло, потому что нынешняя ситуация полностью подходит под второй и третий из перечисленных вами критериев. И поэтому вы просто обязаны выслушать мое деловое предложение, вернее — предложение ее величества королевы...

— Намекаете, что королева хочет поручить мне спасение Листограда? — недоверчиво спросила я.

— Нет, — отрицательно покачал головой господин Леон, — спасение всего нашего мира!

Я внезапно ощутила, как моя нижняя челюсть вновь стремится занять прежнее отвисшее положение. Конечно, я ему не поверила! Но, завянь мои фамильные лотосы, оказалась не в силах превозмочь терзающее меня любопытство и потому...

— Садитесь! — Я ногой придвинула к господину Леону ближайший стул, и он послушно опустился на краешек сиденья. — У вас ровно десять минут, чтобы излить душу и рассказать мне все, не утаивая даже самые мельчайшие подробности! — А затем плюхнулась в кресло напротив и приготовилась слушать.

— Я и правда не камергер, — первым делом признался господин Леон, — а занимаю пост начальника охраны Высшего Магического совета Листограда.

— Если вам удалось обмануть человека, то это не значит, что он дурак. Это всего лишь означает, что вам доверяют больше, чем вы того заслуживаете, — ехидно сообщила я в ответ.

— Намекаете, что вы мне не доверяете, — вернул подачу мой собеседник.

— Намекаю, что не дура, — холодно парировала я. — Поэтому способна отличить правду от лжи.

— Но я и в самом деле заведу охраной Магического совета! — нахмурился господин Леон, разозленный моими подначками.

«Начальник охраны, а маскироваться не умеет! — мысленно хмыкнула я. — Хотя кого и от кого в том совете охранять? Два десятка старцев, чахнувших над своими колбами и талмудами. Помнится, еще во время обучения в академии я удивлялась, и как это бессмертные и вечно молодые эльфы умудрились довести себя до столь неприглядного состояния — морщины, седые бороды чуть не до колен и... И при чем тут вообще совет?» — внезапно дошло до меня.

Очевидно, забывшись, я произнесла этот вопрос вслух, потому что господин Леон сокрушенно вздохнул и выдал очередную новость, прозвучавшую совершенно неправдоподобно:

— Сегодня утром скончался ваш учитель — мэтр Сабиниус, а...

— Как это скончался? — не поняла я. — Это только пиво в кувшине заканчивается, а верховный маг Листограда...

— Да умер он! Умер! — грубовато рявкнул начальник охраны, доведенный мною чуть ли не до белого каления. — Помер, отправился на тот свет, отдал богам душу, склеил лапы, представился, двинул кони, отбросил копыта, сыграл в ящик... Теперь понятно?

— Ага, понятно, завянь мои фамильные лотосы! — оторопело кивнула я. — Хотя нет, совершенно не понятно. То есть как это — умер? Он же маг!

— А-а-а, дай мне терпения, богиня Дану! — повысил голос господин Леон. — Меня предупреждали о том, что с вами лучше не связываться, леди Сафира. И теперь я начинаю осознавать почему...

— Плевать мне на ваше осознание! — бесцеремонно фыркнула я. — Зато я напрочь отказываюсь верить в смерть мэтра Сабиниуса. Признайтесь, а вы имели возможность лицезреть его, хм, хладное тело? — Последнее слово далось мне нелегко, ибо оное известие совершенно не укладывалось у меня в голове. Ну скажите, как может умереть главный маг столицы? При том еще и мой учитель? Ага, вот именно что никак!

— Не видел! — сообщил господин Леон, и из моей груди тут же вырвался вздох облегчения. — Но не стоит обнадеживаться. Мэтр Сабиниус действительно скончался, а его тело исчезло. Вместе со Светочем Листограда!

— Так! — Я страдальчески обхватила ладонями свою переполненную противоречивой информацией и потому готовую взорваться голову. — Давайте-ка все снова и по порядку. Намеряете, что город остался без энергии, поэтому сегодня так внезапно испортилась погода и заполошно звонили в колокола?

— Наконец-то до вас дошло, в какую страшную беду мы попали! — холодно усмехнулся господин Леон и начал свой рассказ заново.

Наш знаменитый мэтр Сабиниус не имел спорного счастья принадлежать к эльфийской расе и появился в Листограде около двадцати лет назад. Невысокий, неприметной внешности и неопределенного возраста мужчина с сединой в каштановых волосах. Возник буквально из ниоткуда и, как рассказывают, несколько дней проживал на постоялом дворе, добываясь аудиенции его величества короля. Которой, судя по всему, и добился, ибо вскоре обзавелся собственным трехэтажным домом в тихом районе столицы, званием мэтра и необременительной, но зато весьма почетной должностью в Высшем Магическом совете. А все потому, что, объявившись в столице, Сабиниус принес с собой один загадочный предмет — крупный, размером с грецкий орех, грубо ограненный рубин. Камень, получивший название Светоч Листограда.

Помимо своей немалой стоимости оный рубин обладал и другими, абсолютно невероятными достоинствами. Помещенный на высокий шпиль дома Сабиниуса, он питал энергией весь город — благодаря ему светились уличные фонари, перемещались изобретенные мэтром же повозки без лошадей и работали шары визуальной связи, холодильные шкафы для

продуктов и многое другое. А кроме того, Светоч даже управлял погодой — избавив нас от чересчур холодных зим, затяжных дождей и пронизывающих ветров. С появлением Светоча в Листограде наступило всеобщее благоденствие. Сам же мэтр пользовался в королевстве непререкаемым авторитетом и уважением. И вот теперь оба они пропали — и Светоч, и Сабиниус... Что же с нами будет?

— Ничего хорошего! — убежденно констатировал господин Леон, ибо последний вопрос я опять произнесла вслух. — Особенно если учесть, при каких именно обстоятельствах исчез сам мэтр...

— Как это? — Я растерянно почесала кончик носа. — Господин, э-э-э, начальник охраны, а вы никакого противоречия в своих словах не улавливаете? То умер, то пропал... Вы уж остановитесь, пожалуйста, на чем-то одном...

— И не подумая останавливаться, — несговорчиво буркнул мой собеседник. — Последние несколько месяцев мэтр Сабиниус публично жаловался на боли в сердце, кои он называл межреберной невралгией, предрекал свою скорую кончину и попутно сокрушался по поводу нерешенной проблемы бессмертия...

— Хотя в некромантии он весьма и весьма преуспел! — встала я.

— Да, — кивнул Леон, — но вы бы пожелали себе подобную участь? Согласитесь, дурной тон — заявиться на заседание Магического совета в облике поднятого из могилы умертвия!..

Я предпочла деликатно промолчать, поэтому он продолжил:

— Зато мэтр неоднократно смущал своих коллег магов вестью о том, что научился перемещать души в другие тела и по сему даже приготовил для себя молоденького мальчика-ученика, добровольно согласившегося принять в свою физическую оболочку дух Сабиниуса. Естественно, только после смерти последнего... О чем и отписал в найденном нами завещании.

— Не дух или душу, а информационную матрицу, — поправила я, вспомнив лекции покойного наставника.

— Не суть важно, — небрежно отмахнулся господин Леон. — Я в подобных областях не компетентен, и мне оно

без разницы, ибо, как говорят у нас в Листограде, хрен редьки не слаще.

— А что случилось дальше? — напомнила я, возвращая его к интересующей меня теме.

— Ах да, — спохватился начальник охраны. — Вчера мэтр не явился на заседание совета, а сегодня утром, обеспокоенные состоянием его здоровья, мы нагрянули в дом мага и обнаружили, что сам он пропал, равно как и Светоч, а предназначенный для пересадки души мальчик пребывает в шоке и внятно ничего объяснить не может. Завещание о переселении души мэтра есть, а самой его души — в мальчике, похоже, нет... Странно, да? А потом в городе начались всевозможные проблемы, вызванные пропажей Светоча...

— Ясно, — задумчиво протянула я. — И тогда ее величество королева, моя сестрица, не придумала ничего лучше, как свалить эти проблемы на мою несчастную голову.

— Именно! — с готовностью поддакнул господин Леон. — Королева считает, что неординарная задача требует неординарного подхода. А самая неординарная личность в нашем королевстве — это вы, леди Сафира!

— Мило, мило, — хмыкнула я. — Значит, ее величество считает, будто в исчезновении мэтра Сабиниуса, живого или мертвого, повинно некое таинственное зло, которое лишь одна я способна выследить, поймать и размазать по плитусу?

— Ага! — обрадованно кивнул господин Леон.

— А также Светоч на место вернуть и спасти все королевство? — насмешливо прищурилась я.

— Точно! — подтвердил мой наивный собеседник.

— Одна, без помощников и денег! — язвительно напирала я.

— Ну почему же без денег? — почти обиделся господин Леон и бросил мне на колени мелодично зазвеневший мешочек. — Здесь тысяча золотых, на расходы. Найдете Сабиниуса и вернете Светоч — получите пять тысяч награды. Ну как, согласны?

— Хм... — Я оценивающе взвесила деньги на ладони, отлично понимая, что дело мое мутное, а надежды тухлые. — Давайте договоримся так: я пока ничего вам... тьфу, вернее, королеве не обещаю. Но завтра побываю в доме мэтра, все осмотрю лично, а затем уже решу — по зубам ли мне пресловутое глобальное зло...

— Хорошо, — покладисто согласился мой заказчик, — осмотрите, подумайте... Заставить вас я не могу, да и права не имею. Разрешите откланяться! — Он поднялся со стула и чопорно попрощался. — Комната оплачена до завтра, до полудня, отдыхайте.

Господин Леон важно прошествовал к двери, но внезапно остановился, словно запнувшись о мой резкий выкрик:

— А она ничего особенного не приказала мне передать?

— Не приказала, — мягко поправил он, — но — попросила...

— Да? Гы! И что же именно? — нервно хихикнула я.

— Свои сожаления и извинения, — сочувственно вздохнул начальник охраны. — Типа была не права, и если бы она могла вернуть все назад, то... И все равно лишь ее величеству известно, от какой тяжелой ноши она вас уберегла... Прощайте! — Он вышел, беззвучно затворив дверь за собой.

«Вернуть, уберегла... — размышляла я, раздеваясь, задувая свечи и укладываясь на мягкую кровать под теплое одеяло. — Так вот чем она утешается!..»

За окном царила непроглядная темень, дождь убаюкивающе барабанил по карнизу, но я еще долго не засыпала, пробуждая в памяти болезненные воспоминания трехлетней давности.

Мы с Зейнарой росли дружно, что называется, неразлейвода — никогда не ссорились, да и чего делить двум сестрам, у которых разница в возрасте всего лишь год? Причем с самого рождения Зейнару готовили к тому, что однажды она, как старшая наследница дома Пурпурного Лотоса, выйдет замуж за короля, тем самым выполнив долг перед семьей и поддерживая древнюю традицию преемственности власти в нашем государстве. Сестра с достоинством приняла уготованную ей долю и, в отличие от меня, разбойницы и оторвы, больше занималась отнюдь не изучением магии или воинского искусства, но сосредоточилась на истории королевства, этикете и хороших манерах. Короче, на всем том, что и подобает знать образцовой королеве. Очаровательная внешне — высокая, тоненькая блондинка с золотыми волосами и серебристо-серыми глазами, — она вполне справедливо считала: король не устоит перед ее чарами и благосклонно воспримет их грядущий брак. Причем примет его как нечто большее, чем просто нудную

обязанность. И у Зейнары все получилось, вернее — могло получиться... Если бы рядом не оказалось меня...

Мы встретились на первом балу Зейнары, в день ее семнадцатилетия. Все трое: моя сестра, молодой король Дюран и я. Отлично помню тот злополучный момент... Зейнара стояла на балконе второго этажа, а король, милостиво улыбаясь, поднимался к ней по лестнице, готовясь поцеловать руку будущей супруги. Серый бархатный камзол, сплошь усыпанный бриллиантами, выгодно подчеркивал его статную фигуру, а белое кружевное жабо немного смягчало хищные черты породистого лица темного дроу. Зейнара сияла улыбкой, красотой едва расцветшей молодости и бесценным жемчужным колье.

— Леди, вы прекрасны! — галантно признал король, склоняясь к ее пальчикам, затянутым в перчатку, но осекся и чуть не упал, едва не сбитый с ног мной, стремглав выбежавшей на лестницу.

Улепетывая от преследующих меня нянек, я — растрепанная, угловатая девчонка в мужском охотничьем костюме — даже не поняла сначала, на кого именно налетела столь бесцеремонно.

— С дороги! — рывкнула шестнадцатилетняя хулиганка, грубо отгалкивая короля.

— Извините! — воспитанно отступил монарх, принимая на себя чужую вину. — Прощу прощения, но не пристало несовершеннолетней девочке вести себя настолько вульгарно!

— А вы много понимаете в несовершеннолетних девочках? — нахально прищурилась я, рассматривая одного роскошного красавца. — Если да, то, значит, вы еще вульгарнее меня!

Король запрокинул голову и громко расхохотался.

— Сафира, что ты себе позволяешь? — ужаснулась Зейнара. — Немедленно проси прощения, ибо перед тобой — сам король!

— И не подумаю! — строптиво фыркнула я. — Так ему и надо. Пусть сам просит... — И стремительно унеслась вниз по лестнице, провожаемая задумчивым взглядом его величества.

А ведь он и правда попросил! На следующее же утро. Только не прощения, а моей руки, прислав официальное письмо нашим повергнутым в шок родителям. Вопреки многовековой традиции монарх рода Ночных Ястребов отверг старшую сестру из клана Пурпурного Лотоса и пожелал жениться на

младшей, абсолютно ему не подходящей, не рожденной для власти и трона.

Зейнара горько рыдала у себя в спальне, предварительно наговорив мне кучу несправедливых колкостей, поставивших крест на нашей дружбе и взаимном доверии.

— Ты даже не представляешь, что это значит — всю жизнь готовиться стать королевой, но не стать ею! — кричала она мне в лицо. — Ты, глупая девчонка, случайно, из шалости исковеркавшая мою судьбу...

Родители не посмели отказать королю и ответили согласием, намереваясь отослать Зейнару в провинцию, в отдаленный монастырь служительниц богини Дану. Обрекли на вечное затворничество. Подслушав не предназначенный для моих ушей разговор, ночью я сбежала из дому, поклявшись, что лучше стану бродяжкой и попрошайкой, но никогда не выйду замуж за короля Дюрана. С собой я не взяла практически ничего. Только одежду, личное оружие, да еще серебряный образок с ликом богини Дану, некогда подаренный мне сестрой... Меня искали, но не нашли. Ловили, но не поймали. Спустя полгода король перебесился, успокоился и все-таки женился на Зейнаре, а еще через девять месяцев у них родился сын, долгожданный наследник престола.

С момента моего побега миновало три долгих года. С Зейнарой я больше не встречалась и ничего о ней не слышала. Вернее, не желала ничего слышать, ровнехонько до сегодняшнего дня...

ГЛАВА 2

Хочешь спрятать что-нибудь понадежнее — положи это что-нибудь на самое видное место. Полагаю, сия немудреная истина известна всем и каждому. Хочешь спрятаться понадежнее... Правильно, тихонько устройся на самом видном месте да помалкивай, и никто тебя не найдет. Не верите? Проверьте! Сразу убедитесь, все гениальное — просто. И не нужно ничего усложнять...

Я люблю свой город. Восхищаюсь красотой его улиц и парков, вычурной роскошью старинных дворцов, своеобразным колоритом ремесленных кварталов, грозной громадой коро-

левского замка, мраморным парапетом набережной; шумом, суетой и запахами речного порта. Но единственное, чего я с сегодняшнего дня на дух не переношу в Листограде, это его многочисленные памятники. А кроме того, я пылко и страстно ненавижу многочисленные стаи голубей, буквально оккупировавшие весь город... Еще не догадались почему?

Дом мэтра Сабиниуса располагался в наиболее тихой, окраинной части столицы, на Гранатовой улице. Скромный трехэтажный особняк из серого камня под добротной черепичной крышей. Деликатно затененный ветвями тех самых гранатовых деревьев, кои и дали название улице. Вернее, это в дни появления мэтра в Листограде пресловутый квартал являл собой образчик тишины и спокойствия... Но, увы, с тех пор времени утекло немало. Столица сильно разрослась, шагнув на противоположный берег судоходной реки Саи, а Гранатовая улица стала центром облюбованного магами квартала, утратив прежнюю неприязнительность и уединенность. Проживающие здесь волшебники поспешили зримо запечатлеть добытую ими славу, излишне загромоздив квартал изваяниями себя любимых, призванными увековечить их громкие имена. Не стала исключением и Гранатовая улица, столь густо заставленная, а точнее — нашпигованная памятниками магам, королям и богам, что у прохожих от одного изобилия буквально рябило в глазах. Так, к примеру, напротив дома мэтра Сабиниуса зачем-то плотно натыкали в ряд статую короля Мандрагона, королевы Клотильды, великого мага Танбигора и почему-то бога Ода — покровителя воров. А возле последнего совсем недавно установили еще один постамент, пока что остающийся пустым... Именно он и привлек мое внимание, послужив поводом для возникновения некой весьма странной идеи... Довольно обозрев пустующий постамент, я сначала посетила лавку старьевщика, где приобрела широкий белый плащ с капюшоном, тюбик белого театрального грима и здоровенное старинное копьё с бронзовым наконечником, а затем...

Шлеп, шлеп...

«Как же я ненавижу этих голубей!»

Шлеп, шлеп...

«Если бы знала, что достанется мне в награду за мои труды...»

Шлеп...

«Я не для того старалась, чтобы эти поганые твари гадили мне на голову!..» — Я с трудом сдерживала жгучее желание почесать некстати зазудевший нос. Пальцы, сжимающие копьё, давно одеревенели — не хуже самого древка...

Шлеп...

«Тьфу на тебя, гадина!» — Я ненавидящим взором следила за достающими меня голубями, стараясь дышать как можно реже, дабы не выдать себя.

Шлеп...

«Ну ладно еще на плечи, это я готова терпеть, но на голову!..»

Шлеп...

«Вот сволочи! И чего им в другом месте не летается?»

Шлеп...

«Кыш, пошли вон, кыш! Вы что, издеваетесь надо мной? Жаль, что руками шевелить нельзя!»

Шлеп, шлеп...

«Эх, была бы моя воля, с каким наслаждением передала бы вас всех!»

Шлеп...

«А ведь слышала — есть такая пытка: капать водой на голову осужденным, причем сутками, без остановки. Но вот гадить!.. До такого даже королевские палачи из тайной канцелярии не додумаются! Главное — не моргать и не шевелиться. Вечереет, а я, между прочим, весь день уже тут стою, наблюдаю за домом Сабиниуса, но пока ничего подозрительного не заметила. Уже убедила всех окружающих и саму себя в том, что я — памятник. Даже гадкие голуби и те поверили. А может, не поверили, поэтому и мстят?» — Такие мысли одолевали мою покрытую капюшоном склоненную голову. На лице — белый грим, левая рука скрыта под плащом, правая — мертвой хваткой вцепилась в копьё, служащее мне опорой. Обычная поза богини Дану, памятников коей у нас в Листограде наберется видимо-невидимо... хм, ну или во всяком случае штук двести точно. Нет, я не шучу, ведь как говорят в столице: богиня Дану — это наше все! Вот никто и не удивился тому, что на Гранатовой улице поставили еще один. Народ спокойно фла-

нирует вокруг, не обращая на меня ни малейшего внимания. А я все слежу и слежу за домом мэтра, со стороны кажущимся нежилым. Света в комнатах не видно, никто не входит и не выходит, и даже ни одна занавеска на окнах не дрогнет. Хотя...

Шлеп...

«А-а-а, нету сил моих терпеть больше!»

Шлеп...

«Богиня Дану, избавь меня от пытки невыносимой...»

И тут мне показалось, будто на крыше дома Сабиниуса, за одной из декоративных башенок, промелькнула какая-то неясная тень. Промелькнула и исчезла в чердачном окне. Я перехватила в обе руки давно надоевшее копьё и спрыгнула с постамента.

— Мамка, мамка, смотри — памятник! Памятник ходит! — Истошный детский визг резанул по ушам.

— Богиня Дану, чем мы тебя прогневали? — Второй вопль, куда более мощный, едва не размазал меня по мостовой. Тяжеленная корзина с яблоками выпала из рук молодой, упитанной женщины, чуть не отдавив мне ногу.

Я скривилась от боли, но промолчала, ведь дурную бабу тоже понять можно — прямо на ее глазах мраморный памятник богини сошел со своего постамента, мстительно расхохотался, перевернул копьё древком вверх, поудобнее вцепился в оружие обеими руками и начал сбивать на землю заполошно мечущихся над его головой голубей! При этом памятник не только хохотал, но еще и витиевато сквернословил, и ликующе кричал:

— Я вам покажу, как на наше все гадить! Вы мне сейчас за это ответите!

Насмерть перепуганная женщина схватилась за сердце и грохнулась в обморок. Краснобокие яблоки шустро раскатились по всей улице, попадая под ноги ничего не подозревающих прохожих... На одном из них смачно навернулся помощник пекаря, несший на голове поддон с горячими булками, второе угодило под колесо тачки истопника, полной золы, третье — под костыль нетрезвого попрошайки. Булки посыпались на мостовую, в воздухе повисло черное облако сажи, ощутимо запахло гарью, а попрошайка неловко хлопнулся на копчик и испуганно заблажил во все горло. Тут же спонтанно возникли паника, гвалт и давка, и на улице началось сущее светопреставление...

— Вон, вон она бежит! — восторженно орал востроглазый мальчишка, заметивший меня вперед всех. — Ату богиню! Лови ее, хватай!

Я стрелой промчалась сквозь облако из золы и пепла, попутно метко бросив золотой в пустой поддон помощника пекаря и мысленно посмеиваясь над услышанными разговорами.

— Эй, братцы, а кого вам ловить-то приспичило?

— Не кого, а богиню!

— Чего-чего, саму богиню Дану? Окстись, малец, да ты никак с ума сошел!

— Да ну, какая это богиня? Обычная девка... — не поверил кто-то.

— Ага, просто девка, говоришь... А почему тогда хлеб с неба сыплется? — резонно возразил истопник, уплетая дармовую булку.

— Люди, настал конец света! — сидя на мостовой, одурело вещал отбивший копчик нищий. — Разверзлась земля, выпустил гарь и копать!

— Караул, грабят! — слезливо голосил лишившийся булок помощник пекаря, но быстро сменил тональность, обнаружив золотую монету. — Ой нет, не грабят — покупают!

— Тю, это благодать небес на нас снизошла! — с нарочитой набожностью заявил истопник, воровски оглядываясь и ловко хватая вторую булку. — Не пугай народ, дурень!

— Дык нет уже никого, исчезла... — Озадаченный мальчишка обнаружил брошенное мною копьё.

— Не грусти, малец, это тебе знак свыше, — наставительно похлопал его по плечу помощник пекаря. — В военные пойдешь!

— А богиня-то где? — Висящая в воздухе зола немного осела, и смысленный мальчишка подобрал валяющийся на земле белый плащ. — Неужели обратно на небо улетела?

— Верно говоришь, проблемы нам принесла и улетела! — убежденно закивал сытый истопник. — Бабы, они, парень, все такие, особенно — богини...

«Это точно!» — мысленно рассмеялась я, под шумок птичкой взлетая на крыльцо дома мага Сабиниуса. Сорвала с замка бумажку с печатью тайной канцелярии, вытащила из кармана ключ, в пору моего ученичества дарованный мне самим мэтром, беззвучно открыла дверь и на цыпочках вступила в темную прихожую.

Темно, тихо, только капает где-то вода из крана... Я осторожно кралась по скрипучему паркету, мысленно проклиная разошедшиеся половые доски, на которые мэтр жаловался еще три года назад, но, видимо, так и не удосужился их заменить. Оставила позади длинный коридор, унылую, никогда не используюмую гостиную и подошла к дальней стене комнаты. Подняла руку и печально погладила привешенную на гвоздик подкову. Ту самую, которую много лет назад подарила наставнику на счастье, пребывая в оную благословенную пору в статусе его любимой и доверенной ученицы. Только вот запомнил он главное: чтобы подковы приносили счастье, их нужно не на стены вешать, а прибывать к копытам и пахать, пахать, пахать... А затем нажала завиток на резной стеновой панели, открывая потайную дверь, ведущую вниз, в подвал. Туда, где располагались библиотека учителя, его кабинет и святая святых — лаборатория.

Я провела немало времени в кабинете, выслушивая сбивчивые, часто непонятные речи мэтра об информационных матрицах, пространственных маркерах, многомерности измерений и прочей лабудени, не преподающейся в нашей Магической академии. И, если честно, воспринимаемой мною на уровне любимых, но столь же неправдоподобных сказок Сабиниуса. Про злой бублик, чудовище Франкенштейна, черных ведьм из ковена¹ «Лилит», Великого Умного Паука — его закадычного друга, любителя покопаться в чужих секретах, и о прочих умалишенных персонажах. А еще учитель обожал напевать один забавный стишок, напоминающий детскую считалочку. Он пел его столь часто, что я запомнила эти нелепые строчки наизусть:

Спят слепые вечным сном —
Под распахнутым окном,
Три налево — семь направо,
Неглубокая канава.
Пять на запад — к югу восемь,
Безысходно плачет осень,
Демон на ветвях повис —
Он уйти пытался вниз.
В долгий путь из пустоты —
Уходи теперь и ты².

¹ Ковен — сообщество ведьм, регулярно собирающихся для отправления обрядов; то же, что и шабаш.

² Здесь и далее стихи автора.

Но теперь, учитывая странное исчезновение наставника, я начинала подозревать, что зря относилась к его историям столь небрежно. Возможно, на самом деле мэтр был отнюдь не тем смешным старым чудаком, коим казался, а умным человеком, обладающим недоступными нам знаниями и вынужденным скрывать свое прошлое. А возможно... Тьфу, как же сбивает с мысли это капанье. Хотя почему оно становится только громче? Ведь я же уже отошла от кухни... И тут до меня дошло. Да это же совсем не капанье!

Я взялась за ручку ожидаемо запертой лаборатории, но не растерялась, а привычно покрутила закрепленный на ней диск с равномерно нанесенными делениями. Три влево и семь вправо... Никогда и ни у кого больше, даже в королевском дворце, не встречала подобных запорных устройств. Мэтр мастак на такие хитрые штуки. Например, эту он называл кодовым замком. Тихонько скрипнув, дверь отворилась. А звуки, изначально принятые мною за капанье воды, стали только громче. Но теперь я понимала, что именно слышала, ибо это был тихий, сдавленный плач. Помнится, ранее учитель имел привычку держать в подвале всяких опасных существ — типа выверн или василисков. Так кто же затаился здесь на сей раз? Хотя нет, такие всхлипывания, без сомнения, мог издавать только человек...

Ровный, идеально отполированный мозаичный пол лаборатории позволял мне передвигаться совершенно бесшумно. Обогнув ряд столов, заваленных всякой всячиной, я приблизилась к огромному, упирающемуся в потолок стеллажу. Услышала чье-то испуганное дыхание, крепче сжала в ладони извлеченный из ножен кинжал и резко прыгнула, намереваясь опередить любую реакцию неведомого противника. Представшее мне зрелище обескуражило, ибо в темном углу за стеллажом затаился отнюдь не монстр, а кто-то маленький, издающий жалобное хныканье...

— Ы-ы-ы! — нечленораздельно донеслось до меня.

Сорвавшись на половине прыжка, я поскользнулась на гладком полу, шмякнулась на свою филейную часть и сердито ругнулась. Сотворила крохотный огонек, змейкой заплясавший у меня на ладони, и вгляделась в того, кого еще миг назад намеревалась полоснуть кинжалом...

На полу, укрывшись за стеллажом, скорчился худенький мальчишка лет десяти. Не эльф — обычный человеческий ре-